

ДОГМАТ О ТРОИЦЕ И РАЗУМ

Учение о Пресвятой Троице является одной из важнейших составляющих христианского богословия. Эта составляющая принципиально неотъемлема от догматической традиции, на протяжении многих веков утверждаемой проповедью Евангелия, надлежащим пониманием откровенных Свьише истин и духовным подвижничеством. Отрицание бытия трех Ипостасей Единого Божества невозможно совместить с бережным хранением того высочайшего вероучения, которое даровал человечеству во время Своей земной жизни Сам «Един Сый Святыя Троицы» – Господь наш Иисус Христос.

Безусловно, искреннее приятие догмата о Триединстве Творца требует от верующего в Бога, прежде всего, собственно его веры – доверия Откровению, доверия проповедующей и объясняющей Слово Божие Соборной Апостольской Церкви. Именно вера способна упразднить или же, по крайней мере, усмирить сомнения и колебания человеческого разума, обратившего свой взор к Тайне Троицы. Неоспоримо обладающий великой силой познания и в то же время вовсе не всемогущий разум нуждается в единении с верой, помогающей победно переступить пределы разумного постижения сущего.

Однако и сама способность верить нередко нуждается в помощи способности познавать (причем познавать не только разумно, но и чувственно), мыслить и делать те или иные выводы. Так, не случайно в Книге Премудрости Соломона указывается, что «от величия красоты созданий сравнительно познается Виновник бытия их» (Премудр. 13:5), а, согласно наставлению апостола Павла, «невидимое» Творца, «вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы...» (Рим. 1:20).

тического богословия. Ярким свидетельством этого и выступает триадология Отцов Церкви: в их творениях открытое человеку Пресвятой Троицей учение о Себе Самой, по сути, провозглашается искомой разумом мерой – «золотой серединой» – в составлении понятий о Высшем Бытии. Согласно древним святоотеческим наставлениям, исповедание догмата о Троицизме Божества предстает как преодоление двух противоположных заблуждений – двух чрезмерностей – языческого многобожия (политеизма) и не признающего учения об Ипостасях единобожия (например, иудейского или арианского антиринитаризма).

На наш взгляд, стремление представить догмат о Троице в качестве соблюдения разумной меры в понимании Божественного ощутимо, в частности в хрестоматийных «Беседах на Шестоднев» святителя Василия Великого († 379). Любопытствуя о записанных пророком Моисеем словах «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему...» (Быт. 1:26), иерарх справедливо усматривает в них сокрушительное опровержение христорочества («...Ужели и теперь одно Лицо?»

Не написано: «Да будет человек», но – сотворим человека») [см.: 2, с. 163–165]. Затем, обращаясь к следующему библейскому стиху «И сотворил Бог человека...» (Быт. 1:27), Василий Великий постигает его смысл как средство, помогающее не впасть в иную крайность. Здесь употребляется слово «сотворил», а не «сотворили»: «Моисей избежал множественности

лиц». Сперва начертая «сотворим человека», а несколько позднее – «сотворил человека», пророк удерживает читателя Книги Бытия от упомянутых заблуждений: «Первым вразумляя иудея, а последним исключая язычество, он безопасно возвратился к единству, чтобы ты вместе с Отцом разумел и Сына, и избег опасности многобожия», – поучает святитель. [2, с. 165]

Дух приятия истин христианской триадологии как пособия, предохраняющего от богословских крайностей, можно ощутить и в одном из поучений сподвижника Василия Великого святителя Григория Богослова († 389). Поясняя, какое значение он вкладывает в слово «Бог», этот неустанный проповедник Троицы произносит следующие заслуживающие нашего особого внимания слова: «Когда же именую Бога, имею в виду Отца и Сына и Святого Духа, как не разделяя Божества далее этого числа Лиц, чтобы не ввести множества богов, так не ограничивая меньшим числом, чтобы не осуждали нас в скудости Божества, когда

впадем или в иудейство, защищая единоначалие, или в язычество, защищая многоначалие.

В обоих случаях зло равно, хотя от противоположных причин» (Слово 38. На Богоявление, или на Рождество Спасителя) [3, с. 170].

Невозможно обойти вниманием и размышления о Троицизме Создателя мира упомянутого нами Григория Нисского. В «Большом огласительном слове, разделенном на сорок глав» святитель, для которого, как было указано выше, добродетель выступает мерой, также подчеркивает удаленность учения о Пресвятой Троице от уже обозначенных противоположных точек зрения – иудейской и языческой (в данном случае – эллинской). Христианский догмат о Божестве, – убежден Григорий Нисский, – далек от недопустимых крайностей, и вместе с тем именно в нем сосредоточены все свойственные этим крайностям преимущества. «...Среди двух предположений проходит истина, низлагающая каждую из ересей, и из каждой заимствующая для себя полез-

ное. Ибо догмат иудея низлагается исповеданием Слова и верою в Духа, а многобожное заблуждение эллинствующих уничтожается единством по естеству, отвергающим мысль о множестве... По надлежащем исправлении нечестивого предположения в том и другом пусть останутся из иудейского понятия единство естества, а из эллинства – одно различие по ипостасям. Ибо как бы неким исправлением погрешающих о едином есть число Троицы, а вдающихся в множество – учение о единстве», – весьма последовательно рассуждает Нисский иерарх. [5, с. 11–12]

Рассуждение такого же рода мы находим и на страницах «Точного изложения православной веры» преподобного Иоанна Дамаскина († ок. 780). Раскрывая сущность ортодоксальной триадологии и повествуя об Ипостасях Всевышнего, авторитетный догматист христианского Востока указывает, что «...через единство Их по природе уничтожается признающее многих богов заблуждение эллинов; через принятие же Слова [Бога Сына – прим. А. Ц.] и Духа ниспровергается догмат иудеев и остается то, что в той и другой секте есть полезного: из иудейского

мнения остается единство природы, из эллинского же учения – одно только разделение по Ипостасям» [7, с. 25].

Приведенные мнения Отцов Церкви достаточно показательны. Красной нитью через них проходит идея о непревзойденности Троичного догмата и при этом чувствуется, что святые поборники Ортодокса принимают во внимание соответствие этой богооткровенной истины устремленности человеческого разума к мере в доступных его постижению областях.

Бесспорно, догмат о Троицином Божестве непостижим. Он несравненно превышает меру наших познавательных способностей, нашего владения мыслью и словом. Как мудро отмечает Григорий Нисский, «... кто до точности вникает в глубины таинства, тот, хотя объемлет душою некое скромное по непостижимости понятие об учении боговедения, не может однакоже уяснить словом сей неизреченной глубины таинства: как одно и то же и числимо, и избегает счисления; и раздельным кажется, и заключается в единице; и различается по ипостаси, и не делится в подлежащем...» [5, с. 11]. И все же правильное размышление о дарованных Свыше истинах, а также непредвзятое сравнение их с постулатами других учений вполне способны удовлетворить разум «срединным» характером этих истин. Догмат о Троице удален от крайностей: христианской триадологии не присущи недостатки политеизма и антитринитаризма, однако именно в ее пределах

гармонично и полноценно сосуществуют те правильные понятия о Божественном, которые отдельно друг от друга и поэтому ущербно для самих себя присутствуют в иных доктринах. В этом состоят разумная умеренность, изящество и красота учения о Троице Божестве, без которого немислимо христианство. Разум (а вместе с ним и эстетическое чувство) способен внести свой посильный вклад в утверждение догмата о Едином Боге в трех Ипостасях, свидетельствуя о его примечательных преимуществах.

Принимая во внимание указанные особенности триадологии святых Отцов, мы действительно убеждаемся в наличии стремления к соблюдению меры не только в сфере нравственного богословия, но и в сфере богословия догматического. Следуя заповеди «Не уклоняйся ни направо, ни налево» (Прит. 4:27) и, таким образом, избегая недопустимых крайностей, ортодоксальная догматическая мысль с осторожностью шествует срединным – царским – путем. Она воспекает человеческую способность верить, но выступает врагом грубого невежества, слепой веры и фанатичности. Она не допускает переоценки возможностей человеческого разума, но отдает должное его значению в деле благоустройства земного бытия, в познании самого себя и окружающего мира, в духовной жизни, в общении с Создателем и составлению верных понятий о Нем.

Именно на царском пути богословия становится возможным достойное сотрудничество веры и разума, когда известный принцип «Верую, ибо абсурдно» гармонично дополняется еще одним немаловажным принципом – «Верую, ибо разумно».

Список использованных источников:

1. Аристотель. Поэтика. Риторика [пер. с др.-греч. В. Апелльбота, Н. Платоновой]. – СПб. : Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. – 352 с.
2. Василий Великий, свят. Беседы на Шестоднев. – М. : Отчий дом, 2010. – 186 с.
3. Григорий Богослов, свят. Избранные творения [сост., предисл. В. Бурегги]. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2010. – 400 с.
4. Григорий Нисский, свят. Творения. Часть вторая. – М. : Типография В. Готье, 1861. – 482 с.

5. Григорий Нисский, свят. Творения. Часть четвертая. – М. : Типография В. Готье, 1862. – 400 с.
6. Доротея, авва. Душеполезные поучения и послания. Калуга : Типография А. М. Михайлова, 1895. – 306 с.
7. Иоанн Дамаскин, преп. Точное изложение православной веры. – М. : Отчий дом, 2011. – 480 с.
8. Лучшие афоризмы великих людей. Формула успеха [сост. А. П. Кондрашов]. – М. : РИПОЛ классик, 2010. – 640 с.
9. Платон. Диалоги. Книга вторая [пер. с древнегреч. Н. В. Самсонова и др.]. – М. : Эксмо, 2008. – 1360 с.

*Царенок А.В.,
доктор философских наук,
НУ «Черниговский колледж»
имени Т. Г. Шевченка,
Черниговское духовное училище,
Харьковская духовная семинария
им. св. ап. и еван. Иоанна Богослова*